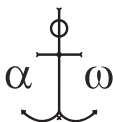

Ю. В. Балакшина

Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Издание 2-е, исправленное

Свято-Филаретовский православно-христианский институт
Москва • 2015

УДК 271.22(470+571)–9«1903/1907»

ББК 63.3(2)52

Б 20

Рецензенты: доктор филол. наук О. В. Евдокимова,
канд. ист. наук П. Г. Рогозный

Балакшина Ю. В.

Б 20 Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907 : Документальная история и культурный контекст. 2-е изд., испр. М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2015. 424 с.

ISBN 978-5-89100-145-9

В книге исследуется деятельность так называемой группы «32-х» Санкт-Петербургских священников — яркого феномена российской церковно-общественной жизни начала XX века. Автору удалось собрать новые редкие архивные документы, освещающие деятельность группы, найти письма ее участников, проследить их жизненный путь. Хотя о группе «32-х» упоминают все исследования, посвященные Поместному собору Православной российской церкви 1917–1918 гг., но попытка дать ответ на вопросы о том, какой характер имело это важное сообщество, впервые предпринята в настоящей работе. История группы «32-х» прослеживается в ее внутренней эволюции, с учетом личностных особенностей самых заметных из ее членов (выявленных на основе сбора и анализа их переписки и др. архивных материалов). Особое внимание уделено культурному контексту, в котором возникло и осуществило себя данное церковное движение.

В приложениях к монографии также впервые публикуется переписка одного из лидеров группы «32-х» прот. Константина Аггеева с профессором Киевской духовной академии П. П. Кудрявцевым, представляющая собой важный источник для изучения как русской церковной истории, так и общественной и культурной жизни России начала XX века.

Для специалистов и всех интересующихся новейшей историей Русской церкви.

ISBN 978-5-89100-145-9

© Ю. В. Балакшина, 2014
© Ю. В. Балакшина, 2015, с изменениями
© Свято-Филаретовский
православно-христианский институт, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ • 5

БРАТСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ
(ГРУППА «32-Х» ПЕТЕРБУРГСКИХ СВЯЩЕННИКОВ), 1903–1907

ВВЕДЕНИЕ

К проблеме диалога церкви и светской культуры • 9

Историография и источники • 25

глава 1. От кружка к братству: история группы «32-х» в письмах и документах

Предыстория • 48

Группа «32-х» петербургских священников • 59

Союз церковного обновления • 89

Братство ревнителей церковного обновления • 114

глава 2. Портреты участников движения • 129

Протоиерей Константин Аггеев • 130

Протоиерей Павел Лахостский • 143

Протоиерей Иоанн Егоров • 153

Протоиерей Иоанн Крылов • 163

Николай Петрович Аксаков • 167

ЗАКЛЮЧЕНИЕ • 179

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ • 184

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ • 189

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ • 196

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Записки группы «32-х»

О необходимости перемен в русском церковном управлении • 199

О составе церковного собора • 205

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Письма свящ. Константина Аггеева к П. П. Кудрявцеву • 217

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ • 413

ПРЕДИСЛОВИЕ

О «группе 32-х» упоминают все исследования, посвященные Поместному собору Российской православной церкви 1917–1918 гг., но на вопросы о том, какой характер имело это важное сообщество (были ли это случайно объединившиеся люди? организация или союз? как долго оно просуществовало? кто являлся его организатором и вдохновителем?), впервые дан ответ в настоящем исследовании. Автору Ю. В. Балаксиной удалось по крупинкам собрать архивные документы, освещающие деятельность группы, найти письма ее участников, проследить их жизненный путь. Это большая удача не только для автора, но и для всей нашей церковной истории: нужно было кропотливо просмотреть личные фонды петербургских и московских архивов, найти те фонды, в которых отразились дела, связанные с участниками группы, — и удивительно, что, несмотря на все революционные потрясения, уничтожавшие людей, удалось найти документы и переписку!

Трудно переоценить значение поднятой темы: впервые перед окончанием синодального периода истории церкви зазвучали голоса священников, обеспокоенных социальным развитием страны и странной ситуацией с церковью. Автор приводит выразительные слова А. В. Карташева о «коренной ненормальности отношений церкви к жизни и обществу». Священники бьют тревогу, видя, что церковь не отвечает на запросы времени, любая деятельность может быть осуществлена только с одобрения синодальных чиновников. Вопрос о созыве Поместного собора и о необходимых преобразованиях наконец-то сдвинулся с мертвой точки — правда, его начало последовало только 12 лет спустя! Время, необходимое для церковных преобразований, для обновления церковной жизни, было навсегда упущено. Причина церковных расколов XX века лежит во многом в том, что церковь так и не начала жить самостоятельно вплоть до созыва Поместного собора. Реформы Собора не вошли в церковную жизнь,

не успели стать нормой — и это несомненно способствовало разгрому церкви в XX веке, от которого она до сих пор не оправилась.

Движение церковного обновления затронуло широкие круги церковной общественности: речь шла не о борьбе за власть в церкви, а о возможности духовенства и мирян, а не только епископата и чиновничества, участвовать в церковном управлении. Русское общество впервые заговорило о том, как должна быть устроена церковная жизнь и как церковь должна отвечать на вызовы современности, и в первую очередь — на «рабочий вопрос». Нашему современному обществу еще предстоит оценить труды прот. Михаила Горчакова, архим. Михаила (Семенова), прот. Александра Рождественского; уже переизданы работы замечательного философа, канониста Н.П. Аксакова. Заслуга книги в том, что в ней воссоздается дух эпохи, когда очень много означало личное знакомство, личные связи, шел поиск единомышленников, формировались церковные течения, проявившие себя на Поместном соборе 1917–1918 гг. Разумеется, было много и брожения, и «пены» среди тех, кто примкнул к движению, но были среди его участников искренние, талантливые и, главное, сочувственные люди, чуждые самоуспокоенности и самолюбования. Образы этих людей автор попытался воссоздать во второй части исследования. Обращение к их деятельности, к их личному опыту в церковной жизни, к их попыткам обновить эту жизнь — все это представляет ценность для современного читателя, помогает лучше понять, что составляет содержание церковной жизни. Религиозный поиск «группы 32-х» автор вписывает в более широкий контекст отношения православия к современной культуре: культуре, которая, с одной стороны, пронизана христианским началом, а с другой стороны, не оставляет места традиционным формам церковности и отрицает христианские ценности.

Канд. ист. наук Е. В. Белякова

БРАТСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ
ЦЕРКОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ

(ГРУППА «32-Х» ПЕТЕРБУРГСКИХ СВЯЩЕННИКОВ), 1903–1907

ВВЕДЕНИЕ

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА ЦЕРКВИ И СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Движение религиозного обновления, возникшее в России в начале XX века, имеет давнюю историю изучения. Группа «32-х» петербургских священников и родственные ей явления рассматривались в трудах П. Н. Зырянова, С. Л. Фирсова, Ю. Шеррер, прот. Георгия Ореханова, Д. А. Головушкина и других исследователей. Введено в научный оборот и проанализировано большое число архивных документов (см. публикации А. А. Шиловой, С. Н. Савельева, В. И. Кейдана и др.). Однако тема и по сей день не утратила своей актуальности.

Во-первых, до сих пор нет работ, рассматривающих историю группы «32-х» в ее внутренней эволюции. Чаще всего исследователи ограничиваются анализом событий, вызвавших обращение «32-х» священников к петербургскому митр. Антонию (Вадковскому), и констатацией факта распада группы, не рассматривая логику ее внутренних изменений, обозначенных даже сменой названия (группа — союз — братство). Поэтому целостная, основанная на документах реконструкция истории движения ревнителей церковного обновления является неотложной научной задачей.

Во-вторых, в указанных работах группа «32-х» рассматривается как монолитное целое, без учета личностных особенностей каждого из ее членов. Это обусловлено тем, что состав группы долгое время можно было реконструировать только гипотетически (подписи «32-х» на обращении к митрополиту не были

обнародованы). Однако в настоящее время, когда опубликован найденный в Российском государственном историческом архиве список лиц священного сана, входивших в состав Братства ревнителей церковного обновления, важно рассмотреть идейные и личностные особенности участников движения, выявить те внутренние полюса, из которых складывалось живое и динамическое единство исследуемого явления.

В-третьих, работы, посвященные группе «32-х», практически не учитывают тот культурный контекст, в котором возникло и осуществило себя данное церковное движение. Речь идет не только о личных связях столичных священников с представителями культурной элиты России, но и о кардинальном повороте в понимании проблемы отношений церкви и культуры, церкви и современного мира. Подход к движению ревнителей церковного обновления как к явлению только церковному или церковно-политическому не позволяет увидеть всей многогранности и сложности духовной ситуации, сложившейся в России в начале XX века. Игнорирование церковно-культурного контекста деятельности группы «32-х» зачастую приводит исследователей к излишней категоричности в оценках.

В своей работе мы принципиально отказываемся от терминов «обновленчество» и «обновленцы» в силу их идеологической и оценочной окрашенности и предлагаем говорить о «движении обновления церкви», или о «движении ревнителей церковного обновления», в соответствии с тем, как называли себя участники петербургской группы.

Движение обновления церкви, возникшее в России в начале XX века, включало в себя явления разного рода: группу «32-х» столичных священников, московское Христианское братство борьбы, харьковское духовенство, группировавшееся вокруг священника Иоанна Филевского, круг журнала «Церковно-общественная жизнь» в Казани и т. д. По ряду причин в данной монографии рассматривается только столичная часть общероссийского движения. Во-первых, именно группа «32-х» первая выступила с проектом необходимых церковных преобразований и стала инициатором аналогичных выступлений по всей стране.

Во-вторых, в богословски продуманных и публично оформленных выступлениях этой группы легче всего увидеть общие идеи и тенденции, направлявшие движение в целом. В-третьих, деятельность этой группы, стремившейся к организационной оформленности, оставила много «следов» как в архивных документах, так и в газетах и журналах своего времени. Наконец, как писал прот. Михаил Чельцов, «питерское духовенство всегда считалось передовым, в лучшем идейном смысле этого слова», оно вращалось «в кругу самой высшей идейной интеллигенции, и естественно, в силу уже одного этого интересовалось и волновалось не одними заботами о куске хлеба насущного и честолюбия»...¹

Движение ревнителей церковного обновления можно назвать одной из первых попыток преодолеть возникший в русском мире раскол церковного и светского начал, ответить на вопросы, которые поставила перед церковью новоевропейская культура. На рубеже XIX–XX веков вопрос об объединении представителей церкви и образованной части русского общества воспринимался как «самый важный из современных русских вопросов» (свящ. Сергей Четвериков), как «великий и роковой вопрос, который ставится теперь перед историей» (С.Н. Булгаков). От его решения зависела, по мнению современников, и будущая судьба России, к началу XX века практически утратившей свое национальное единство из-за векового разрыва между народом и образованным сословием, и будущая судьба христианства, которое теряло способность отвечать на запросы современного человека.

Отношения представителей православной церкви и деятелей светской культуры на протяжении XIX века складывались весьма непросто. Так, цензор Санкт-Петербургской духовной цензуры прот. Тимофей Никольский размашистым почерком написал на статье Н. В. Гоголя «О нашей Церкви и духовенстве»

1. Чельцов Михаил, прот. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. // Минувшее : Исторический альманах. Вып. 17. СПб., 1995. С. 422. (Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов. — *Прим. ред.*)